

Зевгма как прием прагматического фокусирования в художественном тексте (на материале немецкого языка)

Ю. Г. Тимралиева✉

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
✉juliati@yandex.ru

Введение. Цель данного исследования – выявление специфики функционирования в художественной речи зевгмы. Хотя данная риторическая фигура известна еще с античных времен и используется в разных сферах коммуникации, до настоящего времени нет полной ясности относительно сущности этого лингвистического феномена.

Методология и источники. В статье рассматриваются различные трактовки зевгмы, определяется ее место в кругу прочих риторических фигур, проводится структурный анализ зевгматических конструкций, в частности выявляются ее синтактико-морфологические вариации, анализируется стилистический потенциал. В качестве эмпирического материала используются лирические и прозаические тексты немецкоязычной литературы XIX–XX вв., в том числе произведения Г. Гейне, А. Деблина, Г. Тракля, Г. Бенна, К. Эдшмида, Г. Бёлля и других авторов.

Результаты и обсуждение. Как риторическая фигура зевгма строится на конфликте синтаксиса и семантики, представляя собой ряд синтаксически однородных, но семантически разнородных элементов. Зевгма, как правило, имеет в своем составе ядерное слово, в котором в соединении с различными актантами актуализируются разные значения/оттенки значений, хотя встречаются и «безъядерные» зевгмы. В немецком языке в роли опорного элемента чаще всего выступает глагол-сказуемое, реже ядром конструкции становятся прилагательное, причастие, наречие, существительное. Элементы паратактического ряда, как правило, существительные (однородные подлежащие, дополнения, обстоятельства), однако в ходе анализа выявлены и случаи алогичных сочетаний, представленных другими частями речи, а также примеры с разнородными морфологическими формами в рамках одной зевгматической конструкции. Функциональный анализ зевгмы демонстрирует богатый стилистический потенциал данной риторической фигуры, выступающей в художественных текстах средством юмора и сатиры, служащей для передачи эмоциональных состояний, способствующей семантическому насыщению высказывания, приращению новых смыслов.

Заключение. Зевгма выступает в художественном тексте значимым приемом прагматического фокусирования, будучи особенно широко представленной в модернистской литературе, характеризующейся семантической многослойностью и интенсивностью художественного выражения.

Ключевые слова: риторическая фигура, художественный текст, зевгма, синтаксис, семантика, стилистический потенциал.

Для цитирования: Тимралиева Ю. Г. Зевгма как прием прагматического фокусирования в художественном тексте (на материале немецкого языка) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 2. С. 118–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-118-126

© Тимралиева Ю. Г., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.01.2021; принята после рецензирования 11.03.2021; опубликована онлайн 23.04.2021

Zeugma as a Method of Pragmatic Focusing in a Literary Text (Based on the Material of the German Language)

Julia G. Timralieva✉

Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

✉juliati@yandex.ru

Introduction. The article analyses the specifics of the functioning of the zeugma in artistic speech. Despite the popularity of this rhetorical figure since ancient times and its use in various spheres of communication, there is still no complete clarity about the essence of this linguistic phenomenon.

Methodology and sources. The article considers various interpretations of the zeugma, determines its place in the circle of other rhetorical figures, conducts a structural analysis of zeugmatic constructions, identifies its syntactic and morphological variations, analyzes the stylistic potential. As an empirical material, lyrical and prose texts of German-language literature of the XIX–XX centuries are used, including works by H. Heine, A. Döblin, G. Trakl, G. Benn, K. Edschmid, H. Böll and other authors.

Results and discussion. As a rhetorical figure, zeugma is built on the conflict of syntax and semantics, representing several syntactically homogeneous, but semantically heterogeneous elements. Zeugma, as a rule, has a nuclear word in its composition, in which, in conjunction with various actants, different meanings/shades of meanings are actualized, although “non-nuclear” zeugmas are also found. The role of the reference element is most often a verb-predicate, less often the core of the construction becomes an adjective, participle, adverb, noun. The elements of the paratactic series are usually nouns (homogeneous subjects, additions, circumstances), but the analysis also reveals cases of illogical combinations represented by other parts of speech, as well as examples with heterogeneous morphological forms within the same zeugmatic construction. The functional analysis of the zeugma demonstrates the rich stylistic potential of this rhetorical figure, which acts as a means of humor and satire in literary texts, serving to convey emotional states, semantic saturation of the utterance, and the increment of new meanings.

Conclusion. Zeugma acts as a significant method of pragmatic focusing in a literary text, being especially widely represented in modernist literature, characterized by semantic multilayering and intensity of artistic expression.

Key words: rhetorical figure, artistic text, zeugma, syntax, semantics, stylistic potential.

For citation: Timralieva J. G. Zeugma as a Method of Pragmatic Focusing in a Literary Text (Based on the Material of the German Language). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 2, pp. 118–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-118-126 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 19.01.2021; adopted after review 11.03.2021; published online 23.04.2021

Введение. В последние десятилетия наблюдается выраженный интерес исследователей к функциональным аспектам речепорождения и речевосприятия. Особое внимание приковано к поэтическому тексту, который выступает как средство художественного мышления, осознающее мир «через освоение его путем творческого воссоздания» [1, с. 130].

Художественный текст, наделенный особой эстетической функцией, «которая не совпадает с функцией языка как средства обычного общения, а представляется ее своеобразным обосложнением» [2, с. 142], отличается от прочих типов текста характером использования языкового материала. «Если для текстов прочих функциональных стилей характерно логически оправданное языковой системой употребление, то для художественной речи характерным является ненормативное использование всех средств языковой системы в целях образной выразительности, использование устоявшихся экспрессивных форм, таких как эмфатический порядок слов, повторы, обособления, тропы и другие. Поэтому при анализе языка художественной литературы в фокусе особого внимания оказываются стилистически маркированные языковые единицы, которые участвуют в реализации идейно-художественного замысла текста и достижении необходимого эстетического эффекта» [3].

Одним из таких стилистически маркированных элементов, выступающих в художественных текстах наряду с каламбуром, градацией, антитезой и другими риторическими фигурами, приемом прагматического фокусирования является зевгма. Хотя зевгма как риторическая фигура известна еще со времен античности (др.-греч. ζεύγμα – буквально «соединение», «сопряжение», «связь») и на протяжении долгого времени пользуется популярностью как в художественной речи, так и в прочих сферах коммуникации, сам термин до сих пор не получил однозначного толкования, и под зевгмой понимаются различные языковые явления. В данной статье обобщаются результаты исследований по зевгме в германской и российской филологии, проводится структурно-семантический анализ зевгматических конструкций в немецкоязычной литературе.

Методология и источники. В современной филологии сложились два разных подхода к определению зевгмы. В рамках первого подхода, восходящего к традиционной античной риторике, зевгма определяется как «ряд гипотактических (сочиненных) предложений, организованных вокруг одного общего для всех них главного члена, употребленного только в одном из предложений» [4]. Похожие, ориентированные на грамматическую сторону явления трактования зевгмы находим также у О. С. Ахмановой [5, с. 158], А. П. Квятковского [6, с. 167], Г. Варига [7] и других авторов, рассматривающих зевгму в ряду прочих перечислительных синтаксических конструкций.

Второй подход, более широко представленный в современной риторике/стилистике и взятый за основу в данном исследовании, основывается на нарушении логического тождества и определяет зевгму как «стилистическую фигуру, синтаксически объединяющую в себе семантически несовместимые члены предложения» [8, с. 379], т. е. рассматривает как грамматическую, так и семантическую составляющие данной фигуры речи. Подобное рассмотрение зевгмы находим как в германской [9, с. 259; 10, с. 139; 11, с. 319; 12, с. 180], так и в отечественной [13] филологии. При такой трактовке зевгма занимает место в ряду прочих стилистических фигур, в частности, разными исследователями относится к разновидностям каламбура [8, с. 379], к алогичным сочетаниям [14, с. 216; 9, с. 258], к разновидности силлепса [15, с. 50], который, в свою очередь, часто характеризуется как синоним зевгмы.

Результаты и обсуждение. Как структурная единица текста зевгма, как правило, включает в себя «ядерное слово, вокруг которого выстраиваются зависимые от него однородные члены предложения, равноценные грамматически, но семантически разноплановые,

вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно активизируются минимум два разных значения или смысловых оттенка» [13, с. 60]. Например, в следующем отрывке из романа Г. Бёлля актуализируются прямое и переносное значения глагола *geben* (давать), когда в качестве актантов, являющихся звеньями зевгматической конструкции, выступают конкретные (*Brot, Wasser*) и абстрактные (*Trost*) существительные: «...sie gab den Bettlern Brot, wenn wir welches hatten, ließ sie wenigstens eine Tasse Kaffee trinken, und wenn wir nichts mehr im Hause hatten, gab sie ihnen frisches Wasser in einem sauberen Glas und den Trost ihrer Augen» (H. Böll, «Und sagte kein einziges Wort»).

В роли опорного (ядерного) элемента зевгматической конструкции чаще всего выступает глагол-сказуемое: «Er wußte, daß ich jede Nacht bei der jungen Frau des Wirtes war, die neunzehn Jahre und ganz weiße Haare hatte und eine Haut, glatt wie ein Aal» (K. Edschmid, «Das beschämende Zimmer»). В приведенном примере из новеллы К. Эдшмида выступающий опорным предикатом глагол *haben* (иметь) является одновременно элементом устойчивого и свободного словосочетания, в результате чего элементами перечисления становятся семантически неравнозначные актанты: обозначение возраста героини (*neunzehn Jahre*) и описание ее внешности (*ganz weiße Haare, eine Haut, glatt wie ein Aal*). Аналогичным образом вокруг глагола *haben* строится зевгматическая конструкция в отрывке из рассказа Л. Франка: «Jedoch der Gymnasiast, dem er zu entkommen gelang, hatte einen Vorsprung, Angst und lange Beine» (L. Frank). С существительными *Vorsprung* и *Angst* данный глагол образует устойчивые сочетания, а с существительным *Beine* (как и в предыдущем примере, отсылающем к внешности персонажа) – свободное. Аналогично: «Zwei Mädchen lagen am Waldessaum/ und schliefen sanft im Grase./ Die eine hatte 'nen schönen Traum,/ die andere 'ne häßliche Nase» (H. Seydel, «Alles Unsinn»).

Особую группу зевгматических сочетаний с глагольным ядром в немецком языке образуют примеры, где выступающий опорным элементом зевгмы глагол используется в разных значениях, определяемых разными приставками: «Er brach das Siegel auf und das Gespräch nicht ab» (A. von Chamisso, «Peter Schlemihls wundersame Geschichte»). В приведенном примере в двух частях предложения содержатся разные префиксальные вариации глагола *brechen* в составе устойчивых сочетаний: *das Siegel aufbrechen* (взломать печать) и *das Gespräch abbrechen* (прервать разговор).

Реже семантически разнородные члены предложения выстраиваются вокруг прилагательного/наречия или причастия: «Ihr wächsern-runder Blick sinnt goldner Zeiten,/ Erfüllt von Träumerei und Ruh und Wein» (G. Trakl, «Dämmerung»). В роли ядерного слова также может выступать существительное, как правило, отглагольное: «Ich würge heftig, ein Gemisch von Staub, Tränen und Verzweiflung gleitet in meinen Magen, und ich nehme nun wirklich den Kampf auf» (H. Böll, «Und sagte kein einziges Wort»). Вместе с тем встречаются и примеры, когда члены зевгматической конструкции не соотносятся с определенным ядром, а выступают элементами перечисления в назывных конструкциях: «Tanzende heben sich von einer schwarzen Mauer;/ Fahnen von Scharlach, Lachen, Wahnsinn, Trompeten» (G. Trakl, «Trompeten»).

В роли синтаксически однородных членов в подавляющем большинстве случаев выступают существительные, однако нами были выявлены и случаи алогичных сочетаний, представленных другими частями речи, например, прилагательными и причастиями: «Niederdrückend und hoch spannen sich innen in Chor und Querschiff die Bogen zu einem Gewölbe,

das voll ist von Sonne, Erschauern und dem Sang einer Biene» (K. Edschmid, «Bilder aus den Südvogesen»). В данном примере глагол *sich spannen* одновременно характеризуется причастием *niederdrückend* (давящий, удручающий), предлагающем субъективную оценку, и прилагательным *hoch* (высокий), предлагающем объективную оценку архитектурного элемента (в данном случае субъективная и объективная оценки еще и противоречат друг другу, поскольку давящими обычно воспринимаются низкие, а не высокие своды), а предложение в целом содержит еще одну зевгматическую конструкцию, элементами которой выступают конкретное (*Sonne*) и абстрактные (*Erschauern, Sang*) существительные, группируемые вокруг прилагательного *voll*.

Следует отметить, что цепочки из нескольких зевгматических конструкций в рамках одного предложения в художественной речи отнюдь не редкость: «*Verwirrt im Haar, im Meer, die Brüste bluten/ vor Tanz, vor Sommer, Strand und Ithaka*» (G. Benn, «Über Gräber»). С другой стороны, зевгма зачастую выходит за рамки одного предложения, определяя структуру целой строфы/целого абзаца, а иногда и целого текста: «*Mütter gebärten kreischend. Kinder flatterten. <...> Betrunkene torkelten. Idioten blökten. Selbstmörder wankten*» (J. R. Becher, «Kindheit»). В данном отрывке из рассказа И. Р. Бехера зевгма задается посредством синтаксического параллелизма и представляет собой цепочку простых предложений, в каждом из которых подлежащим является одушевленное существительное во множественном числе, однако логика данного перечислительного ряда нарушается вследствие отнесения данных существительных к разным семантическим группам, так как они характеризуют людей по разным критериям: по степени родства (*Mütter*), возрасту (*Kinder*), физическому состоянию (*Betrunkene*), психическому состоянию (*Idioten*), способу ухода из жизни (*Selbstmörder*). Аналогичным образом, но уже в рамках одного предложения, сочетаются субъекты в рассказе Г. Бенна: «*Der Jäger und der Krüppel, der Vergeßliche und der Tänzer, – alle glaubten, versteckt oder frei, an die großen Gehirne, um die die Götter schwebten*» (G. Benn, «Die Eroberung»). Будучи звеньями одной синтаксической цепочки, персонажи относятся к разным семантическим рядам, в частности определяются по роду занятия (*Jäger, Tänzer*), физическому статусу (*Krüppel*), психотипу (*Vergeßliche*).

В зависимости от позиции «общего» слова традиционно различают протоzeugmu, когда опорное слово стоит в начале синтаксической конструкции, мезоzeugmu – с опорным словом в середине конструкции и гипоzeugmu, когда опорное слово замыкает синтаксическую конструкцию. Анализ примеров показал, что в немецкой литературе более широко представлены протоzeugmu: «*Doch nieder regnet Aschengräue, Sturm und Schlacht*» (A. Wolfenstein, «Der gute Kampf»). Гипоzeugmu менее продуктивны: «*Aus Totenreich, Erinnern, Tiertorturen/ Steigt Gott hinein*» (G. Benn, «Das späte Ich»). Что касается мезоzeugmu, то в ходе анализа языкового материала подобные конструкции нами обнаружены не были, что, по всей видимости, объясняется более жесткой фиксированностью отдельных членов предложения в немецком языке в сравнении с русским.

Если говорить о функциях зевгмы, то многими исследователями зевгма рассматривается в первую очередь как фигура языкового комизма [8, с. 379; 14, с. 218]. Например, в следующем, ставшем хрестоматийным, примере из путевых заметок Г. Гейне, содержащем сразу два зевгматических ряда, комический эффект достигается соположением на равных объектов, трудно сопоставимых с точки зрения их роли в жизни города: «*Die Stadt Göttingen,*

berühmt durch ihre Würste und Universität, gehört dem Könige von Hannover und enthält 999 Feuerstellen, diverse Kirchen, eine Entbindungsanstalt, eine Sternwarte, einen Karzer, eine Bibliothek und einen Rastkeller, wo da Bier sehr gut ist» (Н. Heine, «Die Harzreise»). Так же неравнозначны, как в предыдущем примере – существительные *Würste* и *Universität* (колбаски и университет), в следующем примере – духовное *Geist* (дух) и материальное *Pflaster* (пластырь): «*Gott, wie elend sah er aus, als ich ihn zuletzt sah. Er bestand nur noch aus Geist und Pflaster...*» (Н. Heine, «Ideen»). Аналогичный эффект достигается и в рассказе А. Деблина, где столкновение в рамках одного предложения (как и рассказа в целом) предметно-бытовой и религиозно-возвышенной лексики создает выраженную оценочную модальность в регистре «комическое – гротеск»: «*Sie trinken Most aus Holzbechern, preisen die unsterbliche Seele*» (А. Döblin, «Astralia»).

Однако стилистический потенциал зевгмы не исчерпывается юмором и сатирой. Зевгма в целом очень органична для ассоциативного художественного мышления, позволяет поэту или писателю в соответствии с собственной поэтической логикой выстроить цепь перемежающихся ассоциаций, тем самым подталкивая читателя к более эмоциональному и образному восприятию происходящего: «... und dann fuhr mit Fahnen und Geschrei ein Autobus an dem aufglühenden See vorüber» (К. Edschmid, «Bilder aus den Südvogesen»). Кроме того, зевгма помогает передать различные эмоциональные состояния и чувства лирического героя или героев произведений, их ощущение мира и себя в этом мире: «*Wenn ich am Sonntag reite, den Dress spüre, das leichte Keuchen höre aus der Gurgel des Gauls und von seinem Mundschweiß beschneit dahänge zwischen Zügeln, Rücken, Gegnern und Welt – weiß ich, daß dies eine Sekunde Seligkeit sein wird, ist*» (К. Edschmid, «Der Lazo»). «*Ich bin gehirnlisch heimgekehrt/ Aus Höhlen, Himmeln, Dreck und Vieh.*» (G. Benn, «Synthese»).

Подобно многим другим риторическим фигурам, зевгма способствует семантическому насыщению высказывания, приращению новых смыслов. Нарушение семантической гомогенности фразы, нарочитая алогичность связи между элементами сочинительного ряда переносит акцент на модальный аспект высказывания, тем самым фокусируя внимание читателя, заставляя его задуматься над смыслом предложения: «*Es roch nach dem alten Schweiß alter Schuhe, nach neuem Leder, nach Pech, und ich hörte die altmodische Steppmaschine surren*» (Н. Böll, «Und sagte kein einziges Wort»). В данном примере появление среди семантических актантов глагола *riechen* (пахнуть) наряду с существительными *Schweiß alter Schuhe, neues Leder* существительного *Pech* образно и емко характеризует жизнь владельцев мастерской, пропитанной не только запахом пота, старой обуви и новой кожи, но еще и запахом несчастья, и более широко в контексте всего романа – жизнь послевоенной Германии. Схожее впечатление производят строки из другого произведения «литературы руин»: «*Im Rock des Feindes,/ in zu großen Schuhen,/ im Herbst,/ auf blattgefleckten Wegen/ gehst du heim*» (Н. Bender, «Heimkehr»).

По мнению Э. М. Береговской, «с точки зрения стилистического функционирования зевгму можно трактовать как фигуру, в которой запрограммировано “обманутое ожидание”». Обычно читательское ожидание нагнетается в пределах абзаца, главы, произведения. В зевгме же оно и нарастает, и разрешается в пределах одного словосочетания. Зевгма – самая лапидарная форма реализации эффекта “обманутого ожидания”» [13, с. 66].

Особую популярность зевгма приобретает в литературе XX в., уходящей от линейности повествования, характеризующейся ослаблением структурных и логико-смысловых

связей внутри текста. На смену системному взгляду приходит так называемое клиповое мышление, когда не справляющееся со все увеличивающимся потоком информации человеческое сознание начинает воспринимать реальность как череду меняющихся картин, запахов, звуков и, соответственно, воспроизводить ее методом монтажа, превращая тексты в пестрые мозаики из предметов и явлений: «Über Krüppel und Badeproleten, / Sonnenschirme, Schoßhunde, Boas, / über das Herbstmeer und das Grieg-Lied: / Ob Iris kommt?» (G. Benn, «Kurkonzert»). «Г. Апполинер в своем эссе “Новый дух и поэты” (1918) сравнивает современный стих с газетной полосой, где всякая всячина одновременно бросается в глаза, или фильмом, нанизывающим образ на образ» [16, с. 184].

Например, необычайно продуктивной как на уровне отдельно взятого предложения, так и на уровне текста в целом зевгма становится в немецком литературном экспрессионизме, будучи широко представленной как в лирике, так и в прозе: «Und dann die langen Einsamkeiten. Nackte Ufer. / Stille. Nacht. Besinnung. Einkehr. Kommunion. Und Glut und Drang / Zum Letzten, Segnenden. Zum Zeugungsfest. / Zur Wollust. Zum Gebet. Zum Meer. / Zum Untergang» (E. Stadler, «Fahrt über die Kölner Rheinbrücke bei Nacht»). Это объясняется симультанностью экспрессионистского мироощущения, разрушением системных связей в сознании художника, зыбкостью границ между объектами окружающего мира, заставляющих соседствовать в предложении/строке/строфе элементы из разных предметно-бытовых сфер: «Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld» (G. Trakl, «Menschheit»). Соединение на равных одушевленного и неодушевленного, части и целого, частного и общего, конкретного и абстрактного, реального и воображаемого, а также предмета и признака, предмета и действия, признака и действия становится в экспрессионизме отрицанием существующих связей, отражением того «вселенского беспорядка», ощущением которого в той или иной степени проникнуто большинство экспрессионистских текстов: «Das ganz schmalschuhige Raubpack, / Russinnen, Jüdinnen, tote Völker, ferne Küsten, / Schleicht durch die Frühjahrnacht» (G. Benn, «Englisches Cafe») [17].

В модернистских текстах семантическая зевгма нередко совмещается с грамматической, когда элементами одного синтаксического ряда становятся не только семантически, но еще и морфологически разнородные элементы – существительные, местоимения, субстантивированные прилагательные, причастия, полные и усеченные инфинитивы: «Wehet langsam unter Laub und Sternen, / Weht durch Weg und Tür und Atemwandern, / Alte Mutter, elendste der Mütter» (F. Werfel, «Hekuba»). «Aus dir, du süßes Tierisches, / Aus euern Schatten, Schlaf und Haar, / muß ich mein Hirn besteigen...» (G. Benn, «Ikarus»). Например, в примере из стихотворения П. Цеха в паратактическом ряду соединяются не только формы существительных и субстантивированных атрибутов, но также имена собственные и нарицательные: «Ihr blassen Krüppel, sanft von Kindern vorgeschoben, / und ihr Geschwächten aus dem Hospital, / ihr Irren von den Straßen aufgehoben // und ihr Entlaufenen aus dem Arbeitssaal, / Töchter der Magdalena, Kains robuste Söhne, / Verwanderte von China her und vom Ural...» (P. Zech, «Die neue Bergpredigt»). А в следующем отрывке из стихотворения Ф. Верфеля происходит синтаксическое уравнивание не только семантически разнозначных существительных (обозначений людей по национальному и профессиональному признакам), но также грамматических форм именного и глагольного сказуемого: «Bist du Neger, Akrobat, oder ruhst du noch in tiefer Mutterhut...» (F. Werfel, «An den Leser»).

Заключение. Таким образом, в художественном тексте зевгма выступает важным элементом языковой структуры, будучи как средством юмора и сатиры, так и способом приращения смыслов. Особенно популярным этот стилистический прием становится в модернистских текстах, с одной стороны, характеризующихся ослаблением структурных связей, уходом от устоявшихся норм и канонов, претендующих на новаторство в области языкового оформления, с другой стороны, демонстрирующих высокую семантическую плотность, когнитивную усложненность, многослойность, интертекстуальность, ориентированных на максимальную интенсивность художественного выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963.
2. Винокур Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990.
3. Руберт И. Б., Тимралиева Ю. Г. Поэтический язык как объект лингвистических исследований // Изв. СПбГЭУ. 2017. № 3. С. 95–100.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 12.01.2021).
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969.
6. Квятковский А. П. Поэтический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2013.
7. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Güterslohn: Bertelsmann, 1971.
8. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1990.
9. Ризель Э. Г., Шендельс Е. И. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1975.
10. Krah S., Kurz J. Kleines Wörterbuch der Stilkunde. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1970.
11. Sowinski B. Deutsche Stilistik. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1973.
12. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1977.
13. Береговская Э. М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопр. языкознания. 1985. № 5. С. 59–67.
14. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959.
15. Volker H. Einführung in die Lexikologie. Darmstadt: WBG, 2015.
16. Фридрих Г. Структура современной лирики: от Бодлера до середины двадцатого столетия / пер. с нем. Е. В. Головина. М.: Языки славянских культур, 2010.
17. Тимралиева Ю. Г. Языковая картина мира немецкого литературного экспрессионизма (на основе анализа малоформатных текстов): дис. ... д-ра филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2017.

Информация об авторе.

Тимралиева Юлия Геннадьевна – доктор филологических наук (2017), доцент (2005), заведующая кафедрой романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, немецкая литература, лингвопоэтика, функциональная стилистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>. E-mail: juliati@yandex.ru

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1963), *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics], ANSSSR, Moscow, USSR.
2. Vinokur, G.O. (1990), *Filologicheskie issledovaniya: lingvistika i poetika* [Philological Research: Linguistics and Poetics], Nauka, Moscow, USSR.

3. Rubert, I.B. and Timralieva, J.G. (2017), "Poetic Language as the Object of Linguistic Research", *Izvestiya SPbGEU*, no. 3, pp. 95–100.
4. Zhrebilo, T.V. (2010), *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], 5th ed., revised and enlarged. Pilgrim, Nazran', RUS, available at: https://linguistics_dictionary.academic.ru/ (accessed 12.01.2021).
5. Akhmanova, O.S. (1969), *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.
6. Kvyatkovskii, A.P. (2013), *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary], 3rd ed., corrected and additional, RGGU, Moscow, RUS.
7. Wahrig, G. (1971), *Deutsches Wörterbuch*, Bertelsmann, Güterslohn, DEU.
8. Brandes, M.P. (1990), *Stilistika nemetskogo yazyka* [German stylistics], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
9. Riesel, E.G. and Schendels, E.I. (1975), *Stilistika nemetskogo yazyka* [Deutsche Stilistik], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
10. Krahle, S. and Kurz, J. (1970), *Kleines Wörterbuch der Stilkunde*, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, DEU.
11. Sowinski, B. (1973), *Deutsche Stilistik*, Fischer Taschenbuch, Frankfurt am Main, DEU.
12. Fleischer, W. and Michel, G. (1977), *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, DEU.
13. Beregovskaya, E.M. (1985), "Problems of studying zeugma as a rhetorical figure", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 5, pp. 59–67.
14. Riesel, E. (1959), *Stilistik der deutschen Sprache*, Verlag für fremdsprachige Literatur, Moskau, USSR.
15. Volker, H. (2015), *Einführung in die Lexikologie*, WBG, Darmstadt, DEU.
16. Friedrich, H. (2010), *Struktura sovremennoi liriki: Ot Bodlera do serediny dvadtsatogo stoletiya* [Die Struktur der modernen Lyrik: Von der Mitte des neunzehnten bis zur Mitte des zwanzigsten], Transl. by Golovin, E.V., Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, RUS.
17. Timralieva, J.G. (2017), "The linguistic picture of the world of German literary expressionism (based on the analysis of small-format texts)", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, SPbSEU, SPb., RUS.

Information about the author.

Julia G. Timralieva – Dr. Sci. (Philology) (2017), Docent (2005), Head of Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, German literature, linguistic poetics, functional stylistics. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>. E-mail: juliati@yandex.ru